

ПАМЯТЬ

Вечно улыбающееся, вечно молодое лицо Юрия Алексеевича Гагарина на известном, обошедшем весь мир портрете. Это лицо было в своё время символом, знаменем целой эпохи, эпохи больших надежд и устремлений... И вот в марте этого года мы отмечаем уже 75 лет со дня рождения первого космонавта планеты Земля. Отмечаем и удивляемся, как смог этот скромный, невысокий паренёк, родившийся 9 марта 1934 года в крестьянской семье в селе Клушино, что возле старинного русского города Гжатска на Смоленщине, как смог он подняться до высоких небес... Он прожил всего 34 года. Погиб, выполняя тренировочный полёт, 27 марта 1968 года. Но когда ему было только 27 лет, в 1961 году его уже знал весь мир. Кажется, что весь его жизненный путь был составлен из одних успехов. Но так ли это? Писатель из Калуги Вячеслав Бучарский попытался открыть новые, малоизвестные страницы жизни Юрия Гагарина. Не сразу же он стал лётчиком и космонавтом. Где, под каким небом мечта о полёте впервые овладела им, где ему впервые удалось ощутить радость полёта? Какие небеса впервые стали ему родными... Ответ на этот вопрос есть — это саратовские небеса.

ВЯЧЕСЛАВ БУЧАРСКИЙ

САРАТОВСКИЕ НЕБЕСА

Повесть о первом полёте

Железнодорожный вокзал в Саратове – серокаменный, старинный, с черепитчатой коньковой крышей, был построен в годы подготовки России к Первой мировой войне. Сюда в середине августа 1951 года скорым поездом из Москвы воспитатель Люберецкого ремесленного училища В. А. Никифоров в общем вагоне доставил выпускников-отличников Гагарина Юрия, Чугунова Тимофея и Петухова Александра. Московское управление “Трудовые резервы” предложило ремесленному училищу № 10 в Люберцах послать учащихся в Саратовский индустриальный техникум, поскольку в других техникумах не готовили мастеров по литейному делу.

В классной комнате на первом этаже здания Саратовского индустриального техникума на улице Сакко и Ванцетти дежурила высокая и строгая студентка-стажерка из пединститута. Над переносицей девушки пробилась маленькая, но волевая вертикальная складка. В дальнейшем выяснится, что высоченная Антонина Белкина заканчивала физмат и была капитаном сборной пединститута по баскетболу. Она объяснила “московским”, что Сакко и Ванцетти – фамилии простых американских рабочих-литейщиков, которые приехали на заработки из бедной Италии в богатые США и там принимали участие в пролетарской борьбе. Американские власти посадили их в тюрьму и казнили больше четверти века тому назад на электрическом стуле.

Антонина раздала приезжим москвичам чистые тетрадные листки для заполнения заявлений и автобиографий.

В автобиографии Гагарин Юрий Алексеевич, сын крестьянина-бедняка, написал своим чётким и округлым почерком: “Отец – Гагарин Алексей Иванович – родился в 1902 году, инвалид Отечественной войны. Мать – Гагарина Анна Тимофеевна родилась в 1903 году. Брат – Гагарин Борис Алексеевич родился в 1936 году...”

В 1943 году пошел в Клушинскую начальную школу. В 1945 году с семьёй переехали в город Гжатск. Поступил учиться в Гжатскую среднюю школу и окончил там 6 классов. Ввиду плохого материального состояния родителей, поступил учиться в РУ (ремесленное училище. – **Ред.**) № 10 гор. Люберцы. В 1950 году пошел учиться в седьмой класс Люберецкой школы рабочей молодежи № 1. В 1951 году окончил седьмой класс данной школы на отлично. 16 декабря 1949 года вступил в комсомол. Как со стороны комсомольской организации, так и со стороны администрации училища взысканий не имею. Гагарин”.

Директор техникума Александр Максимович Коваль пригласил “московских” для личной встречи в свой просторный кабинет с высоким потолком и дубовыми книжными шкафами. За стеклами шкафа были круглые манометры, квадратные амперметры, стеклянная электрофорная машина и собрания сочинений Ленина и Сталина.

Александр Максимович рассказал гостям немного истории. В 1886 году в Александровском ремесленном училище (так называлось до революции это учебное заведение, преобразованное в индустриальный техникум в год Победы, в 1945-м) стали отливать в своих мастерских подковы для лошадей. Так возникло литейное производство в будущем техникуме. В конце XIX века в училище обучались несколько будущих революционных матросов. Например, Александр Заулошнов, матрос знаменитого броненосца “Потёмкин”. Петр Виноградов, который служил после матросом-минёром в революционном Кронштадте. Александр Златогорский, стрелявший по Зимнему дворцу с крейсера “Аврора” в октябре 1917 года. В те мятежные времена в Александровском училище учился знаменитый впоследствии советский академик-литейщик, действительный член Академии наук СССР Иван Павлович Бардин.

... Волга возле Саратова богата островами: Казачий, Шумейка, Сазанка, крошечный безымянный осередок, прозванный местными рыбаками Тайванем. Не виден был за выступом затона выше по течению уставленный осоками просторный Зелёный остров, заливной, илисто-плодородный, уютный. В послевоенные годы многие саратовцы держали на Зелёном острове участки по пять-шесть соток, на которых с ретивой истовостью выращивали картошку. Кроме огородных делянок, на Зелёном было множество озер, обильных рыбой и раками, и живописные охристые пляжи. Такие же были и на вытянуто-узком, похожем на судака Казачьем острове, что лежал прямо напротив улицы с ласковым названием Бабушкин взвоз.

До начала занятий в техникуме оставалось еще больше двух недель. Делать там было нечего, и “москвичи” вместе со своим ремесленным воспитателем каждый день после завтрака отправлялись на Волгу. Дни стояли солнцепечные, с раскаленным ветерком-суховеем. В такой день полежать и поплавать в воде, теплой, как льняной кисель, – одно удовольствие...

Поскольку Гагарин, Чугунов и Петушков были отличниками ремесленного училища и награждены похвальными грамотами за седьмой класс, вступительные экзамены они не сдавали – только квалификационную пробу: отливали чугунные решетки. Для них это не представляло особого труда: ведь ребята прошли хорошую практику на заводе сельскохозяйственных машин имени Ухтомского в городе Люберцы.

Евгений Шешин приехал из Сталинграда поступать на механическое отделение. Все шло хорошо. И вдруг после экзаменационной работы по математике он увидел себя в списке отчисленных. Оказалось, допустил грубую ошибку в расчетах и получил “неуд”.

– Хотел забрать документы и уехать к себе в Сталинград, – вспоминал впоследствии Шешин. – Прихожу в общежитие – туча тучей. Не хочется ни говорить ни с кем, ни смотреть ни на кого. Лёг на кровать, страдаю... Подсаживается ко мне парень. Я знал, что он москвич и как отличник экзамены не сдаёт. Это был Юра Гагарин. Спрашивает:

– Ты чего? Не сдал, что ли?

- Вышибли, – отвечаю без интереса.
- Куда поступал?
- На механиков.
- Чего вы все на механический? – взвился Юрий. – Конкурс создали! Иди к нам, литейщикам. Конкурса нет. А специальность хорошая. Чего бояться?
- Я же не литейщик, а слесарь. Как буду сдавать квалификационную пробу?
- Поможем. Ты только теоретические предметы сдай, – успокаивал Гагарин.
- Не-а, поеду домой работать.
- Никуда ты не поедешь! – решительно заявил Гагарин. – Ты вставай и пойдём в приемную комиссию. Или нашей работы боишься?

“Гагарин решительно взял меня за руку, – продолжал в 1965 году рассказ кандидат технических наук Евгений Васильевич, – стащил с кровати и повел в приемную комиссию. Там переложили мои документы в дела литейного отделения, на котором действительно был набор. Я снова держал вступительные экзамены, а пробу помог сдать Гагарин”.

Квалификационная проба не была самоцелью. Абитуриенты помогали выполнять заказы предприятий и организаций. На приемных испытаниях 1951 года отливали чугунные решетки для городского коммунального хозяйства. Их потом установили в скверах и садах города, а часть, с отливкой СИТ (Саратовский индустриальный техникум), установили возле общежития техникума на Мичуринской улице.

Ребята любили фотографироваться около этих решеток. Потом они были демонтированы, так как “не смотрелись” на фоне девятиэтажного общежития, построенного на улице Мичурина.

Убеждая в 1948 году гжатского школьника Юру Гагарина стать литейщиком, мастер Люберецкого ремесленного училища В. А. Никифоров в качестве доказательства сослался на прекрасный, величественный памятник Пушкину в Москве, отлитый из бронзы. Теперь парням, выбирающим профтехспециальность, говорят: “Иди в литейщики! Очень древняя и нужная профессия... А ты знаешь, что первый космонавт мира Юрий Алексеевич Гагарин был литейщиком?”

Гагарину не пришлось работать по литейной специальности. Но однажды в Англии, в городе Манчестере, первый космонавт встречался на заводе с литейщиками, работающими у плавильной печи. Юрий Алексеевич не удержался от соблазна сделать “профессиональную пробу” и попросил у английских литейщиков разрешения провести плавку. Те с недоверием отнеслись к затее космонавта, но гость есть гость...

Гагарин успешно справился с плавкой. Английские мастера избрали Юрия Алексеевича почетным членом профсоюза литейщиков и вручили ему золотую медаль, которую специально отлили в честь первого космонавта мира. На ней были вычеканены в ажурной розетке слова: “Вместе мы отольём лучший мир”.

Начались занятия в техникуме на старинной купеческой улице имени Сакко и Ванцетти. Здесь обстановка была значительно серьезнее, чем в школе и в ремесленном училище. И требования жестче, и учебная база солиднее – лаборатории, библиотека, кабинеты по различным специальностям.

В группе литейщиков набралось 35 человек, приехавших из разных городов Советского Союза. Среди них несколько орденосцев – участников Великой Отечественной войны – женатые, имевшие детей.

Московские держались всюду рядом. Самым беспокойным из “говорунков” был Саша Петухов – пониже среднего роста крестьянский сын из села Неделино в Малоярославецком районе Калужской области, старательный, белобрысенький, с загнутыми, как у девчонки, ресницами. Сын колхозной доярки и плотника из Смоленской области Юрий Гагарин такого же роста, что и Чугунов, был поплотнее корпусом и пошире в плечах. Объемные темно-русые волосы вздыблены в сталинский зачес. Тимофей Чугунов был повыше Гагарина росточком – важный, целеустремленный, с волевым взглядом и цыплячьей тонкой шеей, сын механизатора из Пензенской области.

У Гагарина на ремесленном кительке рядом с комсомольским значком сиял еще и кругло-серебряный, с зеленой подковкой веночек спортсмена третьего разряда. Знак он получил в пору ремесленной учебы, в 1951 году, став чемпионом ремесленного училища в лыжной гонке на 10 километров.

В общежитии техникума на улице Мичурина, 85 “москвичей” поселили в комнату-казарму на тридцать человек, и каждое будничное утро все трое дружков спешили на учебу и литейную практику с Мичуринской на соседнюю имени Сакко и Ванцетти улицу, в бывшее реальное Александровское училище. Все трое “московских” любили математику. Юра Гагарин доказывал неустанно, что без математики в век атома просто никуда, всё ведь на расчетах зиждется. Он мечтал приобрести готовальню для черчения и логарифмическую линейку для исчисления мер, весов и отношений.

Стипендию получали небольшую – пятьдесят рублей в месяц на первом курсе и сто рублей на последнем. Хотя государство учащихся одевало и кормило, все же приходилось строго рассчитывать доходы и расходы.

Вечерами в общежитии ребята нередко играли в шахматы. Даже турниры организовывали. Но Юра не участвовал ни в разрешенных поединках за доской, ни в запрещенных азартных играх в карты: непоседа, не мог он сидеть часами на одном месте. По душе были подвижные спортивные игры. Друг-литейщик Толя Навалихин, фанат лыжного спорта, все тянул Гагарина на лыжню вокруг Детского парка или в засыпанные снегом рощи на “дачных” остановках пригородного трамвая. Гагарин был разрядником по лыжам, а на втором курсе ещё и загорелся баскетболом.

В Саратове славился Театр оперы и балета имени Н. Г. Чернышевского, в городском просторечии называемый как “Чернышевский”. В “Чернышевском” выделяли специальный абонемент для студентов – “индустриков”. Юра Гагарин с командой литейщиков прослушал “Русалку” Даргомыжского, “Кармен” Бизе, “Пиковую даму” Чайковского. Большое впечатление на него произвела опера Глинки “Иван Сусанин” и Мусоргского “Хованщина”. Следя за развитием оперного действия, Юра сильно переживал, в мыслях и чувствах переносился на сцену, в гущу русского народа, одолевающего врагов Отечества. Первокурсник Гагарин был очень расположен для восприятия доброго, светлого, возвышенного. Он еще со школьного детства в Гжатске любил самодеятельные вечера с духовым оркестром и хоровым пением, со спектаклями, декламацией стихов, торжественными докладами. На вечерах в ремесленном училище в Люберцах здорово читал со сцены монолог Олега Кошова, обращенный к матери, из романа Фадеева “Молодая гвардия”. В техникуме в Саратове записался в хор и стал проситься в члены литературно-драматического кружка.

А в это время где-то далеко, за тридевять земель, небольшой свободолобивый народ Кореи отражал полчища наёмников самой крупной капиталистической страны мира – Соединённых Штатов Америки. “Индустрики” начинали свой день с того, что слушали по радио сообщения о боях в Корее. Тогда они узнали имена героев Корейской Народно-Демократической Республики летчиков Ли Дон Гю и Ким Ги Ока. Главнейшая газета Советского Союза “Правда” писала о храбрости и отваге только корейских летчиков, о том, что каждый из них сбил по полтора десятка американских “сейбров”. О боевых успехах советских пилотов и вооружении сделанных в Саратове реактивных истребителей в печати не сообщалось, как и о том, что многие советские лётчики носили корейские имена.

В то время Юра познакомился с произведениями Льва Толстого, Виктора Гюго и Чарльза Диккенса. Увлекался лунным Жюлем Верном и межпланетным Гербертом Уэллсом. Читал-навёрстывал то, что не успел сделать в детстве.

И вот уже “индустрик” Гагарин делает карточки для литературной викторины, помогает отремонтировать дверь кабинета, читает на вечере гимн буревестнику из “Песни о Соколе” А. М. Горького, готовит доклад по роману Л. Н. Толстого “Анна Каренина”.

“Припоминается такой эпизод, – рассказывала учительница литературы из индустриального техникума. – В начале пятидесятых годов произведения Сергея Есенина не входили в программу, в библиотеке не было его стихов. А многие учащиеся очень интересовались его поэзией. Гагарин не раз спрашивал меня о жизни Есенина. У меня тогда не было книг этого поэта, но как только мне подарили небольшой сборник его стихов, я дала почитать книгу Юрию.

– Нина Васильевна! – восторженно сказал Юра, прочитав стихи. – Какой это удивительный поэт, как он любил Родину!

– Слушая Гагарина, я радовалась тому, как тонко чувствует он красоту родной природы, воспетую в прекрасных стихах замечательного русского поэта... И сам Юра становился мне ещё милее и дороже”.

Среди сокровищ гагаринского музея в Саратове есть фотография – запечатленное мгновение первых чисел января 1952 года, начала седьмого года после Великой Победы.

Высокие дворянские своды Дворца культуры трудовых резервов на улице Ленина, недалеко от техникума и общежития. Бальная зала с хорами, колоннами, кружевной лепниной потолка и чуткой акустикой. В углу сосна в лентах, свечах и лампочках – по саратовской традиции наряжали к Новому году не елку, а сосенку с длинными светлыми иглами. На сцене – духовой оркестр, вдохновенный дирижер в форменном кителе и с валторной в руках, тубы и геликоны обвивают дутой медью бывалых фронтовиков-студентов, в первом ряду молодняк с кларнетами и трубами, первокурсник Гагарин со стоячими в зачёсе волосами и оббитым латунным инструментом в руках. И девушки в форменных суконных платьях, с вышитыми мережкой воротничками кружатся в вальсе... Гагаринское поколение подростков Победы.

По соседству с кафедральным храмом – Георгиевской церковью в Саратове – белеет мощными колоннами классического стиля длиннейшее трехэтажное здание – бывшее Купеческое собрание, а в советскую эпоху Краеведческий музей. В первом этаже музея традиционный отдел натуральной истории и археологии: останки китового скелета (Саратов, желтая гора по-тюркски, основан на шельфе бывшего в доисторические времена Хвалынского моря), бивни мамонта, будто отлитые из чугуна на Саратовском заводе “Серп и молот”, а также восстановленный знаменитым скульптором и археологом Герасимовым глиняный облик первобытной девушки.

Но самый потрясающий экспонат помещался на втором этаже – там, в двух смежных залах, распростер крылья подлинный боевой истребитель “Як-1”. Этот самолёт в разгар войны собрали на первенце индустриализации комбайновом заводе, перестроенном в авиационный. Пилотировал самолёт гвардейский лётчик Б. Н. Еремин, совершивший две сотни боевых вылетов в небе над Сталинградом, Кубанью, Крымом и сбивший восемь немецких машин. Свидетельствовали о том восемь алых звёзд на пилотской кабине. А ещё вдоль всего фюзеляжа было красиво написано масляной краской, что подарил эту машину Красной Армии пчеловод колхоза “Стахановец” в Саратовской области крестьянин Ферапонт Головатый.

Будущий космонавт почтительно пересчитывал звёзды на кабине и вглядывался в жуткие дырки с рваными краями на самолётных крыльях. Наверное, вспоминал детскую встречу с военными летчиками осенью 1941 года неподалёку от родного села Клушино.

1 сентября 1941 года семилетний Юра Гагарин пошёл бы учиться в первый класс неполной сельской школы. Однако в тот день над школой разыгрался воздушный бой. Краснозвёздный истребитель был подбит “юнкерсом” с черными крестами и упал за околлицей в болото. Сельские мальчишки побежали к самолёту, помогли летчику с советскими орденами на груди выбраться из кабины.

Гитлеровские войска оккупировали Смоленскую область. Занятия в школе села Клушино были приостановлены.

Шли по сельской улице загорелые, как спортсмены, враги в мундирах зеленовато-мышинного цвета, с закатанными рукавами, с автоматами на груди. Пели фашистские песни, проходя мимо на смерть испуганных домишек, покуривали ароматные сигареты из турецкого табака. Жизнерадостно рыжий, с оловянными круглыми глазами капрал наигрывал на губной гармошке.

В январе 1942-го немцы заняли дом Гагариных и выгнали хозяев на улицу. Всей семьёй вырыли в мерзлой земле нору и перебрались в неё. Когда на дворе трещал сильный мороз, худящая, с запалыми, сиреневого цвета глазами, старшая сестра Зоя при свете коптилки читала книги. От сестренки Юра заразился любовью к чтению русских книг. Но вот 9 марта 1943 года Юрию исполнилось 9 лет. Как раз в тот день советские войска освободили от фашистских войск Гжатский район Смоленской области. В Клушинской школе вскоре возобновились занятия.

Полураздетые, напуганные непрерывными обстрелами дети оккупации, оставшиеся без отцов или, как Юра, без старших братьев и сестёр, угнанных в рабство в Германию, они испытывали неодолимую тягу к знаниям. Считать учились, складывая пустые винтовочные гильзы. Нечем было писать, порой

нечего было и поесть. Но учились ребята в сдвоенном первом-втором классе с голодной жадностью.

В победном мае 1945 года семья Гагариных из Клушино перебралась в Гжатск. Одиннадцатилетний Юрик, сын плотника и колхозной скотницы, подружился с городскими ребятами, у которых погибли отцы на фронте. И дальше по детству и юности его товарищами становились дети оккупации, которые видели смерть, голодали, потеряли своих близких, которые тягостью оккупационных впечатлений не уступали взрослым людям. Но души у них были светлые, а совесть добрая. Как и Юра, это были ангелы, взлетевшие из войны на незримых крылах веры в советскую Победу. Ангелы Победы – так бы называть поколение подростков войны, которым сегодня уже за семьдесят.

Во время своего полуторачасового космического полета Гагарин заметно беспокоился, что не видит звёзды в иллюминаторе, и несколько раз запрашивал по этому поводу Землю. И когда глянул в противоположную линзу-окошко, то был поражен сходством звёзд с бриллиантами, насыпанными на абсолютно чёрный бархат. Любуясь таким ювелирным чудом, Первый космонавт непременно должен был вспомнить церковку в Саратове 1952 года, под сводом которой он слушал лекцию о происхождении Вселенной, сопровождаемую показом на куполе белесого звездного крапа.

Небольшую, но уютную изнутри и любовзорную снаружи пятиглавую церковку “Утоли моя печали” в годы индустриализации в Саратове повелели использовать как храм естествознания: известкой забелили пророков и ангелов на сферическом потолке, поставили на возвышении купленный за церковное золото немецкий аппарат фирмы “Карл Цейс” и выстроили рядами дубовые скрипучие стулья.

В планетарии, как в кино, проводились сеансы. Как в вузе, читались лекции. Как в театре, действие сопровождалось радиомузкой из электропатефона за кулисами, показом на декоративном куполе созвездий и планет немецким аппаратом “Цейс”, а также демонстрацией их с помощью аппарата под названием “эпидиаскоп”. Ещё в планетарии имелся киноаппарат, через который раз в неделю, когда дежурил кинолаборант, крутили специальные научные фильмы. Приходящим киномехаником в планетарии был электрик киноремонтного завода на Коммунарной улице А. Ф. Хозин.

Первая лекция, на которую попали “московские” из индустриального техникума, как раз сопровождалась показом учебного кинофильма. Лекция была посвящена 400-летию со дня смерти великого космиста Николая Коперника. Все прогрессивное человечество отмечало эту дату в мае 1943 года, в разгар фашистской агрессии против советского народа. Понятно, что тогда невозможно было серьёзно широко говорить о гениальном открытии монаха-астронома из Фромборкского монастыря в Польше. Вот почему спустя десять лет в Советском Союзе решено было отмечать 410-летие со дня смерти польского гения так, как будто это был юбилей копернианства. В Саратовском планетарии подготовили воодушевительную лекцию о вкладе Коперника в человеческий разум, которую начали читать с осени 1952 года, когда отмечалось 95-летие со дня рождения великого русского ученого, основоположника теории звездоплавания К. Э. Циолковского. В лекции о Копернике немало внимания уделялось также русской и советской науке. Озаренная подсветом эпидиаскопа, худенькая и сутуловатая лекторша сильным педагогическим сопрано говорила, что скромный учитель физики из Калуги Циолковский как мост соединил европейское познание и советское естествознание.

Это саратовский учитель физики индустриального техникума Николай Иванович Москвин, мучимый астмой ветеран Гражданской войны, тихоголосый инвалид, но темпераментный естествоиспытатель и мудрый педагог, угоривил первокурсников литейного отделения отвлечься от земляных форм и опок, от мерцающей космическими всполохами вагранки и посетить звездный дом, то есть планетарий, находившийся, кстати сказать, в двух шагах от техникума, неподалёку от входа в парк “Липки”. Наряду с ЦПКиО, преобразованным из губернаторского поместья П. А. Столыпина, парк “Липки”, разбитый тогда же на купеческие пожертвования, был у саратовских горожан любимейшим местом отдыха.

Педагог-физик европейской ориентации Москвин в молодости увлекался научно-техническими журналами, литературой, бывал на выставках, вечерах и концертах в Политехническом музее в Москве, хаживал в кафе поэтов на

Тверской, где ему случалось поспорить с Бурлюком, Маяковским или даже с потаённым Хлебниковым. Москвин и сам печатал статьи в журнале “Электричество”, а в 1916 году опубликовал брошюрку “Электрический трамвай в общедоступном изложении”.

В конце тридцатых были гонения на электроэнтузиастов: Москвина на три года сослали в Боровск в Калужскую область – занимался там развитием уличного освещения колхозов и записывал воспоминания старожилов об учителе арифметики из начального училища Циолковском. А вот в 1941-м, в конце октября, его дочь Веру, передовую сборщицу прецизионных, то есть особо точных подшипников для реактивных минометов, эвакуировали в числе ведущих специалистов Первого подшипникового завода в Саратов. Своей семьей у Веры Николаевны Москвиной не было. Она забрала с собой из прифронтовой столицы опального отца-пенсионера.

В 1945 году открылся в Саратове индустриальный техникум. Николая Ивановича пригласили заведовать кабинетом физики и вести занятия. Москвин был членом городского общества “Знание”, много выступал с лекциями, внимательно следил за достижениями науки и техники.

Некоторые коллеги-преподаватели в техникуме называли Москвина человеком со странностями. “И зачем это было Николаю Ивановичу на пороге семидесятилетнего возраста, – рассуждали они, – писать заявление о приёме в аспирантуру физического факультета Саратовского университета! Или требовать у Александра Максимовича Ковалёва, директора техникума и кандидата технических наук, чтобы для физического кабинета непременно предоставили пробирки с ураном!”

Между тем на оборудовании из физического кабинета Москвина некоторые саратовские ученые-электрики проводили серьезные опыты по неразрушающему контролю отливок. А студенты преданно и дружелюбно относились к старому физику и мыслителю-пророку. Физкружок и физкабинет пользовались популярностью в техникуме.

Учащийся литейной группы Гагарин уже на первом курсе переживал как бы разделение личности по ступеням: из-под увлеченности лирикой – театром, поэзией, романтическими романами – дыбилась, напрягая душу, тяга к естественным наукам, и в первую очередь – к загадке возникновения Земли и, более того, всего пространства Вселенной. Юрий Гагарин, попав учиться к Москвину, без раздумий записался в его физико-технический кружок. На первом занятии по “наводке” Москвина Гагарина дружно выбрали председателем и старостой в одном лице.

Всех кружковцев потряс рассказ Москвина о революционере-народнике Николае Кибальчиче, который перед казнью через повешение составлял в жандармском каземате проект реактивной летательной установки. Также сильно задел учащегося рассказ о саратовском гении Павле Николаевиче Яблочков. Этот “кавалер прекрасной дамы Электры” придумал проект негаснущей электрической дуги и залил изобретенным им “русским светом” каолиновых электросвечей площади Парижа, а также дворцы в Лондоне, но умер в потёмках бедной нищеты и глухой безвестности в саратовской гостинице купца Очкина, которая находилась на улице Радищева, недалеко от индустриального техникума.

На занятиях физико-технического кружка Гагарин подготовил несколько докладов. Первый был посвящен великому физику Александру Григорьевичу Столетову; изобретатель русского телефона Голубицкий и мастер дирижаблей из гофрированной жести Циолковский трепетно называли его своим учителем. Потом был доклад о “русском свете” саратовского дворянина П. Н. Яблочкова и световом давлении, открытом москвичом П. Н. Лебедевым, тоже воспитанником профессора Московского университета Столетова.

17 сентября 1952 года в Советском Союзе с большим размахом отмечали 95-летие со дня рождения основоположника теоретической космонавтики из Калуги. К этой дате был приурочен доклад Юрия Гагарина о К. Э. Циолковском.

По воспоминаниям выпускников техникума и пединститута, доклад о Циолковском у второкурсника Юры Гагарина получился содержательным, интересным, живым. А в музее Гагарина в Саратове, при индустриальном техникуме, можно увидеть физический прибор “Реактивная тележка”, с помощью которой староста физкружка демонстрировал принцип реактивного движения.

Там же представлена увеличенная фотография, где изображен рабочий момент занятий в кружке. На переднем плане четверо ладных, видных, веселых “индустриков” экспериментируют с приборами “Коромысельные весы” и “Увеличительная линза на оптической скамье”. Крайний слева за лабораторным столом – тщательно выбритый и аккуратно причесанный отличник учёбы Гагарин. А на заднем плане – согбенный астматик, пронизательный наставник Москвин. В музее в Саратовском индустриальном техникуме можно увидеть лист из тетради, на котором Николай Иванович собственноручно написал следующее:

Докладная записка

Учащийся группы Л-12 Ю. Гагарин в течение 1951/52–1952/53 учебных годов состоял председателем физического кружка, за два года сделал три доклада, с большим знанием организовывал занятия кружка. По собственной инициативе сделал электропроводку к проекционному фонарю, обучал членов кружка правилам пользования проекционным фонарем и эпидиаскопом.

Прошу вынести от лица дирекции благодарность Ю. Гагарину с занесением в личное дело.

Н. Москвин. 15.06.53 г.

В январе 1965 года Первый космонавт Земли Ю. А. Гагарин откликнулся на приглашение коллектива Саратовского индустриального техникума и приехал, чтобы участвовать в торжествах по случаю двадцатилетия учебного заведения. Не обнаружив среди преподавателей Николая Ивановича Москвина, Гагарин стал расспрашивать о нем. Оказалось, что болезни совсем свалили с ног старого физика. Юрий Алексеевич оставил ему свой портрет и написал:

Дорогой Николай Иванович!

Сердечное спасибо Вам за науку и знания. Все мы гордимся тем, что прочные, хорошие знания получили от Вас.

Желаем Вам крепкого здоровья и всего самого наилучшего

Юрий Гагарин

В конце февраля 1953 года в Саратове проводилась седьмая комплексная спартакиада вузов и техникумов. Состязались по скоростным гонкам на дистанциях, по слалому и прыжкам с трамплина. Участвовало почти полтысячи парней и девчат. Лыжники – “индустрики” – заняли первое место в группе техникумов. Юра Гагарин выполнил норматив второго разряда по лыжным гонкам. А его товарищ Александр Петухов стал третьеразрядником.

И все-таки впоследствии, самым любимым видом спорта Юрий Гагарин называл баскетбол. В техникуме он был капитаном баскетбольной команды и получил первый спортивный разряд за командную победу в первенстве Саратовской области.

Во дворе техникума, на пути к литейной мастерской, был неказистый, обитый выцветшим кумачом стенд “Лучшие люди Саратовского индустриального техникума”. С весны 1953 года там коробилась чёрно-белая карточка на тонкой фотобумаге, а под портретом паренька со вздыбленным зачесом соломенных волос было напечатано на канцелярской машинке: “Отличник учёбы, член бюро ВЛКСМ Ю. А. Гагарин”.

Не раз приходилось преподавателям слышать об участии Гагарина в рейдах комсомольцев-оперативников, помогавших милиции.

Однажды Гагарин шёл вечером в общежитие и в переулке услышал крик. Бросился на помощь. Перепуганная насмерть женщина с трудом объяснила, что какой-то хулиган в узких брючках и ботинках на толстых подошвах вырвал у неё из рук плетенную из тростника кошёлку с деньгами и ключами от дома и скрылся.

Юра побежал в указанную сторону. Нагнал злоумышленника возле водоразборной колонки в Шелковичном переулке и, безоружный, вступил в схватку с громиллой-сверстником, размахивавшим бритвой. Умелым приёмом выбил из его руки “писку”, сделал ногой подсечку и завалил наземь.

Сумка была возвращена потерпевшей.

В сентябре 1953 года, когда Юра стал учиться на третьем курсе, его выбрали председателем баскетбольной секции.

“Почему именно баскетбол является моим излюбленным видом спорта? – писал позже Ю. А. Гагарин. – Эта игра очень динамичная, она воспитывает чувство локтя, товарищества. Игра, как вы знаете, ведётся в высоком темпе. Поэтому спортсмен-баскетболист, регулярно проводящий тренировки, приобретает глубокое, надёжное, ритмичное дыхание, выносливое “спортивное сердце”.

Нужно помнить, что всё это происходило на втором-третьем годах учебы, когда Гагарина еще не отпускала литература и сцена художественной самодеятельности, когда он всё более увлекался идеями космизма, распространявшимся в физическом кружке. И подчеркнём главное – на уроках русского языка, физики, математики преподаватели не принимали во внимание общественные обязанности и спортивные увлечения – лепили двойки безжалостно, если только были для того основания. Но обязательный, памятный, энергичный и юркий Юрий успевал всюду и учился даже без троек.

В годы Советской власти речной, степной и купеческий Саратов стал городом военно-воздушной славы. Ещё перед Великой Отечественной Саратовский завод комбайнов, пионер советской индустриализации, был преобразован в авиазавод, подчинённый военно-воздушному КБ генерального конструктора Яковлева, и многие сотни истребителей “Як-3” взлетели с заводского аэродрома, чтобы защищать советские просторы.

О великодушии саратовских колхозников, даривших фронту боевые самолёты, сложены стихи и спеты песни. Но воистину славен Саратов героями-лётчиками.

Первый среди них Иван Доронин, получивший звание Героя Советского Союза в год рождения Гагарина, – 20 апреля 1934 года за спасение экипажа ледокола “Челюскин”.

Саратовец Сергей Тархов командовал истребительной авиаэскадрильей, защищавшей небо Мадрида, и в одном из боёв осенью 1936 года “в чистом небе над всей Испанией” сбил огнём пулемётов пять фашистских стервятников. Вскоре после того был тяжело ранен и погиб, отмеченный званием Героя посмертно.

Виктор Рахов разгонял японских налетчиков в районе Халхин-Гола, провёл летом 1939 года более шестидесяти воздушных боев, во время которых подбил восемь вражеских истребителей. Смертельно раненный, умер в госпитале, не узнав, конечно, что причислен к плеяде советских героев. По улице Рахова в Саратове Гагарин выходил к Детскому парку на баскетбольные игры, к заводу “Серп и молот” на преддипломную литейную практику. Или подъезжал на трамвайчике из двух вагонов кольцевого маршрута “А”.

Одним из самых знаменитых в период гитлеровского нашествия был Таманский женский авиаполк, в котором служила саратовская студентка Раиса Аронова, совершившая 960 боевых вылетов. Герой Советского Союза Марина Раскова (легенда довоенных лет, участница женского перелета на Дальний Восток) в конце октября 1941 года в Саратове сформировала три женских авиационных полка. В районе Саратова она и погибла в январе 1943-го, во время полёта в тумане.

В большом списке саратовских героев-лётчиков 26 мест принадлежит воспитанникам аэроклуба. Замыкает его Герой Советского Союза, первый в мире лётчик-космонавт Ю. А. Гагарин.

Главным авиационным заводилой в группе литейщиков Саратовского индустриального техникума был Виктор Порохня, ладный и видный собой компанейский парень, непробиваемый вратарь футбольной сборной “индустриков”. Он поступал в авиационную спецшколу в Саратове ещё до начала учёбы в индустриальном техникуме, но не одолел тогда экзаменационный барьер. Так что на литейном отделении Виктор учился как бы вынужденно, продолжая мечтать об авиации. На этой-то волне он и с Гагариным, тоже неравнодушным к небу человеком, подружился.

В один из осенних дней 1954 года, когда Гагарин был на тренировке в Детском парке, туда прибежал возбуждённый Виктор и объявил:

– Ребя, есть новость: в аэроклуб принимают с четвёртых курсов техникумов!

Проверить сенсацию было проще простого: аэроклуб находился в двух шагах от Детского парка.

Сразу после тренировки пошли туда – и получили подтверждение: да, четверокурсники могут записаться в аэроклуб на летное отделение, но требу-

ется разрешение от дирекции. Там возражать не стали, ведь Гагарин и его команда были сильными учащимися.

Всю зиму 1954–55 годов готовили в техникуме дипломные проекты, а в аэроклубе изучали при участии инструктора Егора Спиридоновича Сурикова материальную часть самолетов. Весной начали подготовку к парашютным прыжкам и полетам на самолете “Як-18”.

“Я уже не помню, как мы взлетели, как По-2 очутился на заданной высоте. Только вижу, инструктор показывает рукой: вылезай, мол, на крыло. Ну, выбрался я кое-как из кабины, встал на плоскость и крепко уцепился обеими руками за бортик кабины. А на землю и взглянуть страшно: она где-то внизу, далеко-далеко... Жутковато...”

Так описал Гагарин свое самочувствие перед первым парашютным прыжком в книге “Путь в космос”. Произошло это на рассвете 18 мая 1955 года. Пилот По-2 Егор Спиридонович и инструктор Мартьянов посадку совершали без “индустрика”: курсант Гагарин всё-таки сам отцепился от кабины и ринулся к земле.

Инструктор Мартьянов был доволен приземлением Гагарина. По его тренерским наметкам выходило: из “светленького” может получиться летчик. И чтобы тверже убедиться, Мартьянов решил в тот же день снова “вывезти” Юрия, ещё раз испытать в воздухе.

Теперь взлетели на спортивном самолете “Як-18”. Пилот Мартьянов закладывал глубокие виражи, клал машину “на крыло”, вводил в пике, поднимал её свечой вверх и снова бросал к земле.

Никогда ещё “индустрик” не испытывал ничего подобного. Его сильно болтало, но едва самолет вырывался на горизонталь, Гагарин начинал восторженно и пристально всматриваться в окружающее пространство, зорко разглядывал сухопутный шельф, как бы исследуя Землю, следил за приборами.

Гагарин ясно понял: Дмитрий Павлович испытывал его. Выдержит парень калейдоскоп страстей – фигур пилотажа, – будет летать, попросит пощады – не видать ему неба.

И Юрий не попросил пощады, хотя временами ему казалось, что “Як” вот-вот потеряет управление и рухнет на землю. Он смотрел, как, прорезая облака, вибрируют концы крыльев, порой, казалось, слышал, как к рокоту двигателя примешивается скрежет ломающегося металла, но мотор уверенно ревел с новой силой, и самолет выделял новую, ещё более тяжелую для него, пассажира, внеземную загогулину.

Успешно завершив учебную пилотскую программу аэроклуба, Гагарин одновременно подготовил и на “отлично” защитил дипломный проект литейного технолога. В качестве мастера производственного обучения получил распределение на военный завод в Томск. Однако ехать в Сибирь молодой специалист Гагарин всё-таки раздумал. Он уже самостоятельно пилотировал самолёт “Як-18”.

В конце октября 1955 года курсант Саратовского аэроклуба Юрий Гагарин получил назначение в ЧВАУЛ – Чкаловское военное авиационное училище лётчиков в Оренбурге. Саратовцы сохранили аэроклубовский “ястребок”; уже много лет в краеведческом музее демонстрируются два “яка”: купленный в 1943 году для фронта пчеловодом Ферাপонтом Головатым и тот, на котором в 1955 году поднялся в небо над Волгой будущий Первый космонавт.

А тем же летом 1955 года началось строительство вблизи Аральского моря в казахской полупустыне космодрома и населенного пункта...

Однажды, весенним утром 1961 года в деревне Смеловка, что в 40 километрах от Саратова, лесничиха Анна Акимовна Тахтарова, выглянув из окошка, обнаружила, что пятнистый телёночек, лично ею привязанный к колышку, сорвался и удрал, утащив за собой веревку и шпильку деревянную. Анна Акимовна разволновалась и, прихватив шестилетнюю внучку Риту, отправилась на поиски.

Удалившись километра на два от деревни, они вышли к оврагу, за которым начиналось поле и уже рокотали тракторы, занятые весновспашкой. Там-то и увидели бабушка и внучка сказку – не сказку, пришьельца – не при-

шельца, но какого-то явно не местного человека, отбивавшегося от шелкового облака парашюта. Он был в высоких сапогах со шнуровкой, как бы в шелковом, тоже оранжевом костюме и белом, словно бы фаянсовом шлемешаре. Пришелец помахал рукой старой и малой жительницам Земли и прокричал, показывая пальцем на верхушку шлема, звонким, очень русским те- норком: – Товарищи, свой я, советский! Как бы позвонить по телефону?..

А вот впечатления офицера ПВО от личной встречи с Юрием Гагариным. Тёзка Героя, младший лейтенант Савченко Юрий, был после окончания Энгельсского военного училища стажёром в ракетном дивизионе неподалеку от села Подгорное и сопровождал Первого космонавта с места приземления до военного аэродрома за Энгельсом. Оттуда Гагарина транспортным самолетом по курсу над Волгой перебросили на такой же военный аэродром под Куйбышевом.

“Когда выехали из дивизиона, – рассказывал ракетчик Юрий Савченко, – взял с собой фотоаппарат “Заря”, однако Юрия Гагарина на месте приземления не фотографировал: слишком сильно было эмоциональное потрясение от приземлившегося пришельца, да и быстро все произошло – “эвакуация” заняла всего несколько минут. В некоторых книгах публикуются снимки Гагарина якобы сразу после приземления, но там никто его не фотографировал”.

Первые фотографии были сделаны в ракетном дивизионе – фотографировал стажер Савченко и еще несколько человек.

Выставив охрану вокруг “шарика” (пять-шесть солдат), ракетчики “рванули” в дивизион в Подгорном. У домика, в котором располагались казарма и штаб, толпился народ. Гагарин был внутри, как раз звонил в Куйбышев (с Москвой из дивизиона связи не было) командиру дивизии ПВО, которого попросил передать Главкому ВВС, что задачу выполнил и чувствует себя хорошо.

“Не знаю, как действительно себя чувствовал Юрий Гагарин, – рассказывал Юрий Савченко, – но вел он себя не совсем адекватно. То был скованным, ушедшим в себя, то вдруг начинал без видимого повода громко и неудержимо смеяться. Видимо, всё никак не мог поверить, что вернулся живым и невредимым, что находится на Земле среди людей”.

Когда Гагарин вышел из штаба, его попросили сфотографироваться со всеми. Савченко тоже отснял пленку. Потом всю ночь печатал фотографии, которые до сих пор встречается в разных изданиях. На следующий день командир дивизиона майор Гассиев отправил комплект фотографий младшего лейтенанта-стажера Министру обороны Малиновскому, а уже 22 апреля от него пришел ответ с благодарностью.

.....

При входе в Саратовский индустриальный техникум устроены окна-ниши. В одном окне поместили скульптурный портрет Юрия Гагарина из бронзы. В другом – афишу-рекламу Народного музея Колумба Вселенной.

Несмотря на потемнелость металла, Первый космонавт остаётся на нём превосходным молодым мужчиной славянской внешности: высокий лоб с ранними залысинами, широкий и короткий стремительный нос, волевые, азартные линии рта, крепкий подбородок неустрашимого бойца. Особенно удалась скульптору энергетика взгляда. Взор выражает страсть исследователя, профессионального психолога и первопроходца космического пространства. Это взгляд человека на свою колыбель – Землю.